

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ ПРАВА¹

© 2022 г. А. Н. Савенков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: AN61S@yandex.ru

Аннотация. Развитие человечества на современном этапе в полной мере может быть охарактеризовано как цивилизационный кризис. Глобальные вызовы, перед которыми стоит человечество, сопровождаются отсутствием идей относительно его дальнейшего движения. В полной мере это касается и такого феномена, как право. Разрушение сложившегося миропорядка ведет к снижению возможностей средствами международного права обеспечивать мир и добрососедские отношения между государствами; попытки распространения одними странами своих юрисдикций увеличивают и без того значительный конфликтный потенциал современности. Подвергается испытаниям сфера права и внутри страны; право стало значительным по объему, сложным; оно «вторгается» в те сферы, которые традиционно были «закреплены» за другими регуляторами. Резкий рост числа принимаемых законов не сопровождается устойчивостью принимаемых решений; в существующие законы вносятся постоянные изменения; на фоне утраты или снижения многих ценностных ориентиров, усиления дифференциации предметов регулирования это ведет к «разрыву» между правом и регулируемыми отношениями, утрате ценности самого права как регулятора отношений, девальвации права и закона. В статье с позиций междисциплинарного анализа предпринята попытка осмысления современных кризисных явлений; предложены некоторые выводы, которые, по мнению автора, могут переломить имеющиеся негативные тенденции.

Ключевые слова: философия права, право, закон, правотворчество, законодательная экспансия и правовая интервенция, экстерриториальное действие закона, суверенитет, кибербезопасность, кризис, правовое равенство.

Цитирование: Савенков А. Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2022. № 2. С. 103–117.

DOI: 10.31857/S102694520019125-8

¹ Статья была напечатана в журнале «Государство и право». 2019. № 4. С. 5–19. DOI: 10.31857/S013207690004632-7

THE GLOBAL CRISIS OF MODERNITY AS A SUBJECT OF PHILOSOPHY OF LAW²

© 2022 A. N. Savenkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: AN61S@yandex.ru

Abstract. The development of mankind at the present stage can be fully characterized as a crisis. The global challenges facing humanity are not provided with sufficient ideological potential. In other words, humanity as a whole (this applies not only to Russia) has a global crisis of ideas about its further movement and response to modern challenges. This fully applies to the phenomenon of law. The destruction of the existing world order leads to a reduction in the ability of the means of International Law to ensure peace and good-neighbourly relations between States; attempts to extend their jurisdictions by some countries increase the already significant conflict potential of our time. The sphere of law is also being tested within the country; the law has become significant in scope, complex; it “invades” those areas that have traditionally been “assigned” to other regulators. The sharp increase in the number of laws adopted is not accompanied by the sustainability of decisions; the existing laws are constantly changing; against the background of the loss or reduction of many value orientations, increasing differentiation of subjects of regulation, this leads to a “gap” between the law and the regulated relations, the loss of the value of the law itself as a regulator of relations, the devaluation of the law and the law. In the article from the standpoint of interdisciplinary analysis an attempt is made to understand the modern crisis phenomena; some conclusions are proposed, which, in the author’s opinion, can reverse the existing negative trends.

Key words: Philosophy of Law, law, lawmaking, legislative expansion, legal intervention, extraterritorial operation of law, sovereignty, cybersecurity, hedonism, legal equality.

For citation: Savenkov, A. N. (2022). The global crisis of modernity as a subject of Philosophy of Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 103–117.

Философия права как академическая дисциплина формируется в XVII–XVIII вв. в Западной Европе в рамках школы естественного права. Она была пронизана метафизикой и рационализмом, ставила перед собой цель обосновать новый буржуазный правопорядок. Философы и юристы этого времени (Г. Гроций, Т. Гоббс, Б. Спиноза, Дж. Локк, Ш.Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, С. Пффендорф, Х. Вольф, И. Кант) понимали свою задачу двояко. Во-первых, используя инструментарий философии, они пытались выявить базовые свойства политико-юридических институтов общества. Во-вторых, считалось необходимым познать суть, внутреннюю логику государства и права и на этой основе создать их умопостижимый (интелигибельный) идеал. Таким образом, философия естественного права играла двоякую роль: с одной стороны, она была средством познания политико-правовой действительности, с другой — обеспечивала идеологическое обоснование ликвидации абсолютистских режимов и перехода власти к буржуазии. Философия естественного права имела существенный недостаток — односторонний рационализм, склонность к построению ходульных, далеких от жизни метафизических конструкций.

Сложившуюся ситуацию попытались исправить немецкие философы конца XVIII — начала XIX в. (Ф.В.Й. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель, К.Х.Ф. Краузе, И.Ф. Гербарт), поставившие перед собой задачу «понять положительное право в его исторических формах, выяснить его основы»³. Речь шла о том, чтобы сделать предметом философии права государство и право, существующие в жизни, а не в виде умозрительных конструкций. Особенность данного поворота состояла в том, что политико-правовая реальность рассматривалась в контексте весьма абстрактных, сугубо авторских философских систем. В результате получилась мистифицированная, очень туманная философия права, которая не могла устроить юридическую науку. Пик данного направления — философия права Гегеля, сыгравшая значительную роль в становлении философии права как академической дисциплины. Отличительная черта его философии права — предельно широкий предмет исследования: свобода, справедливость, право, законодательство, власть, семья, общество, экономика, государство, война, международные отношения, философия истории. По меркам отдельных нынешних представлений — это конгломерат, не имеющий прямого

² The article was published in the journal “State and Law” (2019), No. 4, pp. 5–19. DOI: 10.31857/S013207690004632-7

³ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 41.

отношения к философии права, но в контексте системы Гегеля все смотрится органично. В течение XIX в. философия права в Германии (в тот период — ведущая страна в этой области) в основном переходит к юристам и в дальнейшем развивается главным образом как юридическая дисциплина. Следствием такого положения дел стало резкое сужение исследовательских задач философии права: они свелись к юридико-догматическому изучению текста законов (аналитическая философия права). Философия права, утратив свой метафизический характер, превратилась в общую теорию права.

В России XIX — начала XX в. философия права, испытывавшая сильнейшее влияние со стороны немецких авторов, была двух видов: метафизическая (Б.Н. Чичерин, В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк и др.) и позитивистская (Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич). Предмет метафизической философии права был широчайший (как у Гегеля), позитивистская философия права (она же — общая теория права) также рассматривала государство и право широко, используя исторический, философский, социологический и догматический подходы. Предметом философии права было не только право, но также государство и политика в историческом и теоретическом аспектах. Так, глава школы возрожденного естественного права П.И. Новгородцев создал труд под обобщающим названием «Введение в философию права», включавший в себя три части и посвященный анализу права, государства, западноевропейского либерализма, социализма и анархизма⁴. Классической аналитической философии права в России не сложилось. В советский период философия права была растворена либо в общей теории государства и права, либо в социальной философии. Только на рубеже 80–90-х годов XX в. возникает философия права как самостоятельная дисциплина. Она формировалась, как правило, юристами, опиравшимися в основном на общую теорию права, философско-правовая метафизика была им чужда. Таким образом, в современной российской философии права оказался преобладающим юридико-догматический компонент, идущий от юридической науки. Наши юристы понимают философию права главным образом как один из аспектов общей теории права. Следствием такого подхода стало резкое неоправданное сужение предмета философии права.

В разное время юристы (не философы), начиная по крайней мере с Р. Иеринга, А. Меркеля,

Э.Р. Бирлинга, К. Бергбома и др., также считали философию права юридической наукой или в крайнем случае — междисциплинарной.

Иного подхода придерживается наиболее известный современный немецкий философ и правовед А. Кауфман, который обладал юридическим и философским образованием. Он следует классической формуле Канта и Гегеля (они философы, а не юристы) о междисциплинарном статусе философии права. В основанном им издании «Введение в философию права и теорию права современности», где он является автором нескольких разделов, и в частности вводного раздела «Философия права, теория права и правовая догматика»⁵, А. Кауфман пишет: «Философия права — это отрасль философии, не отрасль правоведения. Однако нельзя при этом рассматривать её таким образом, как будто философия права является специальным видом рода (общей) философии. Всегда и во всех своих формах философия имеет дело с фундаментальными проблемами человеческого бытия...». «Философия права отличается соответственно от других отраслей философии... тем, что она принципиальные вопросы права, основные юридические проблемы рефлектирует, обсуждает и, насколько возможно, даёт на них ответы на философский манер»⁶. Но, размышляя далее о соотношении философии права и теории права, он отчаянно добавляет: «Но как же отличаются философия права и теория права друг от друга? На это до сих пор нет удовлетворительного ответа». «То, что наряду с философией права существует ещё теория права, можно объяснить только исторически. В остальном различие между философией права и теорией права очень размыто»⁷.

Как представляется, настало время повернуть философию права к новым исследовательским горизонтам, наполнить ее новым содержанием. Подлинная философия права — это поиск смысла в сфере, связанной с государством и правом, создание универсалий, отражающих цивилизационные вызовы современной эпохи. Поскольку роль государства и права все более усиливается, поскольку человечество все в большей мере зависит от политики национальных государств, поскольку в современном мире резко возрастают риски, связанные с их деятельностью, растёт необходимость философско-правового анализа всех этих процессов. В данных условиях философия права должна использовать весь инструментарий, накопленный мировой философией в области онтологии,

⁴ См.: Новгородцев П.И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74–75; *Его же*. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1909; *Его же*. Введение в философию права. Об общественном идеале. Берлин, 1922.

⁵ Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / herausgegeben W. Hassemer, U. Neumann, F. Saliger; mit Beiträgen von A. Büllesbach, G. Ellscheid, W. Hassemer u.a. 9., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Heidelberg, 2016. XXIX.

⁶ Ibid. S. 1.

⁷ Ibid. S. 8, 9.

гносеологии, этики, эстетики, философской антропологии, философии истории, философии техники, философии природы, философии науки, философии языка, философии культуры, философии религии. Только обогатившись всем этим знанием, философия права способна стать мощным познавательным средством политико-правовой реальности, являющейся неотъемлемой частью глобальных процессов современности. Философия права в современных условиях стремительно меняющегося мира обладает широкими возможностями для оценки и интерпретации государственной и правовой политики, поскольку право как социальный феномен и регулятор поведения всегда погружено в цивилизационный контекст эпохи.

Современные реалии таковы, что цивилизация вступила в социальный и гуманитарный кризис планетарного масштаба. Государства уже не могут, опираясь на известный экономический и правовой инструментарий, учитывая известные примеры иных государств в части преодоления периодов турбулентности, ни прогнозировать развитие общественно-экономических систем, ни формулировать цели социальных, экономических и политических преобразований. История эмпирическим путем подтвердила неудачу предпринятых попыток строительства как идеального общества на началах равенства, коллективизма, так и общества, основанного на приоритете исключительно частного и порой ничем не ограниченного интереса.

Использование в пределах периода распада социалистического лагеря, в первую очередь в государствах Европы, в качестве «единого лекала» ценностей, подходов (способов) к решению задач, выработанных в пределах одной цивилизации, объявившей себя победителем в «холодной войне», дало явный сбой.

Впрочем, как показали последние два десятилетия, они не работают уже и по месту их возникновения, а потому на первый план вновь выходят давно зарекомендовавшие себя средства — решение собственных проблем за счет более слабых стран и обществ либо путем открытой эскалации конфликтов (прямые военные действия, провоцирование внутренних беспорядков и т.п.), либо экономического разграбления. Общее разочарование в каких-либо идеалах, использование таких идеалов для достижения узкоэгоистических, корыстных интересов привело к их девальвации и полноценному кризису идей: никто из лидеров или ученых государств победившей демократии в настоящее время не может предложить какой-то целостной картины не только описания современного состояния, но и тем более путей дальнейшего развития. Предлагаемые же решения чаще всего оказываются опровергнутыми обнаруживающимися за ними

частными интересами либо серьезно оторванными от реальности как мотивы космогонических гипотез (хаос) и конвергентная теория в праве.

Окончание противостояния двух глобальных мировых систем привело не к счастливому общему либеральному миру, в котором доминируют соответствующие ценности, государства связаны общей экономикой, служат «ночными сторожами» у конкурирующих свободно экономических агентов (о чем часто говорилось в начале 90-х годов), а к иллюзии со стороны «капиталистического Запада» в части того, что решения ими могут приниматься односторонне, без особой оглядки на интересы других стран, а сами такие интересы могут существовать только как субординированные.

В периоды экономического роста такое подчиненное положение не вызывало серьезного сопротивления носителей этих интересов; они вполне готовы были довольствоваться своей ролью, отказаться от категории собственных национальных интересов вообще. Но, как только грянули первые серьезные экономические кризисы или стали обнаруживаться признаки потери конкурентоспособности в соревновании с бывшими колониями, стало понятно, что старая, традиционная парадигма преследования собственных эгоистических целей в политике и экономике никуда не делась, мир снова стал таким, каким он был традиционно. Проявлением этого помимо войн стали санкции, применяемые сегодня без разбора, строительство разных стен (как будто они от чего-то помогут отгородиться) и другие изоляционистского и протекционистского характера действия.

Человечество (очень хочется надеяться, небезвозвратно) в который раз утратило саму идею и активную борьбу за мир во всем мире. Поразительно, как быстро забывается здесь историческая негативная ретроспектива. После каждой большой войны XX в. шли разговоры о «мире всего мира», «мире во всем мире» — такие слова произносились после Первой мировой войны. Наш известный соотечественник, мыслитель, философ и социолог Питирим Сорокин в 1917 г., говоря о последствиях войны, писал: *«Целью будущего мира всеми признается “мир всего мира”, если не навеки, то на наиболее продолжительное время»*⁸. Этот «мир во всем мире» версальско-вашингтонской сборки просуществовал потом совсем короткий период. Нынешний миропорядок создан еще одной большой войной — Второй мировой, но и ее последствия пытаются предать забвению. Не только в политический, но и в правовой лексикон активно вводятся такие понятия, как «государства-противники» (*adversaries*),

⁸ Сорокин П. Основы будущего мира / ред.-изд. С. Нонин. Пг., 1917. С. 2.

«государства-единомышленники» (like-minded states), «наказывать» (punish), «заставлять заплатить» (impose costs), «навязывать последствия» (impose consequences), «безответственное поведение» (reckless activity).

По этому поводу в статье «Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить» В.В. Путин провидчески охарактеризовал сегодняшний миропорядок так: «То, с чем сегодня сталкивается мир, — это серьезный системный кризис, тектонический процесс глобальной трансформации. Это зримое проявление перехода в новую культурную, экономическую, технологическую, геополитическую эпоху. Мир вступает в зону турбулентности. И, безусловно, этот период будет длительным и болезненным. Здесь не надо питать иллюзий»⁹.

Появление наднациональных органов управления и их широкие полномочия революционным образом повлияли на сущностное наполнение понятия государственного суверенитета. Агрессивная эволюция блока НАТО, развитие Европейского Союза и некоторых других объединений государств являют пример того, как государства готовы отказаться от некоторых суверенных прав и функций в пользу более крупных наднациональных территориальных, политических, военных и экономических образований. Между тем подобные структуры утрачивают первоначальное значение. Без особых ограничений США доминируют в НАТО и Европейском Союзе, частично — в структурах ООН. В тех случаях, когда такая повестка невозможна, США покидают соответствующие структуры или не участвуют в них (примерами являются выход из состава Совета по правам человека ООН, непризнание юрисдикции Международного уголовного суда, а также заявление о выходе из Договора о ракетах средней и малой дальности)¹⁰.

Наряду с политикой «мягкой силы» активно используются инструменты «мягкого права», цель которого — насаждать и устанавливать свою правовую доктрину в качестве доминирующей сначала среди своих союзников, а затем по всему миру. Проявление такой политики мы можем видеть в подписанном Президентом США Д. Трампом в 2017 г. Законе «О противодействии противникам Америки посредством санкций»¹¹.

⁹ Путин В.В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://iz.ru/news/511884> (дата обращения: 15.01.2019).

¹⁰ См.: Remarks by President Trump to the 73rd Session of the United Nations General Assembly (25 September 2018) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-73rd-session-united-nations-general-assembly-new-york-ny/> (дата обращения: 05.03.2019).

¹¹ См.: Countering America's Adversaries Through Sanctions Act [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: [https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364](https://www.congress.gov/bills/115th-congress/house-bill/3364) (дата обращения: 15.03.2019).

В правовых системах современных государств вопрос о соотношении принципов верховенства права и верховенства закона однозначно решен в пользу последнего. Вектор дальнейшей политической эволюции решительно направлен в сторону соблюдения «духа и буквы закона» и дальнейшей реализации принципов справедливости в существующих социальных условиях, все дальше уводя человечество от «правового государства» к политической законности.

Стремление удержаться на позициях однополярного мира меняет мировую архитектуру (межгосударственную, экономическую и т.д.) и мировой правопорядок. Это касается не только вечного противостояния «демократического цивилизованного» Запада и «авторитарной неправовой» России, но и собственных союзников как в Европейском Союзе, так и в НАТО (как в случае с введением санкций против члена НАТО — Турции или отсутствием поддержки в Европейском Союзе введенных против Ирана санкций США).

Практика экстерриториальности действия национальных законов отдельных государств вызывает обоснованное осуждение внутри мирового сообщества, приводит к дезинтеграции целых регионов и возникновению все новых и новых локальных конфликтов. Она является, по сути, законодательной экспансией и правовой интервенцией. В ней проявляется не только международно-правовой нигилизм во внешней политике, но и действенное средство навязывания правового менталитета англосаксонской цивилизации другим государствам¹², который далеко не всегда соответствует гуманитарным стремлениям и идеалам последних. Яркий тому пример — судебная практика окружных судов США, принимающих иски от иностранных граждан против национальных правительств, юридических и должностных лиц других государств. Так, в нормах Статута о деликтах иностранных граждан (28 U. S. C. § 1350), составной части американского права с экстерриториальной юрисдикцией, установлено: «Окружные суды имеют первоначальную юрисдикцию в отношении любого гражданского иска иностранца только за деликт, совершенный в нарушение права наций или договора Соединенных Штатов». С 1980 г. суды истолковывают нормы Статута как разрешающие иностранным гражданам обращаться в американские суды за правовой защитой нарушенных прав человека в связи с поведением, совершенным за пределами Соединенных Штатов¹³. Такого рода экс-

¹² См.: Шумилов В.М. Концепция глобального права и глобальной нормативной системы // Современный юрист. 2015. № 3. С. 70–87.

¹³ “The district courts shall have original jurisdiction of any civil action by an alien for a tort only, committed in violation of the law of nations or a treaty of the United States”. Since 1980, courts have

территориальность деформирует международный правопорядок и выступает формой вмешательства во внутренние дела государств.

Никакие самые благие намерения не могут оправдать нарушения норм международного права и государственного суверенитета. Свидетельством тому является цивилизационный опыт человечества, который показывает, что первоначальные цели, как правило, не достигаются, а последствия и издержки — непредсказуемы и несопоставимо превышают ожидания. Недопустимо объяснять необходимость правовой интервенции «гуманитарной интервенцией»¹⁴, реализуемой «для защиты благосостояния и благополучия членов политического сообщества» без учета их мнения.

Известный австралийский социолог и криминолог Дж. Брейтуэйт с иронией отмечает: «За последние десятилетия была создана целая индустрия экспорта криминологии из США. Представители уголовной юстиции в странах «третьего мира» привыкли осторожно шутить по поводу того, что американские криминологи получают финансовую помощь от консультантов ООН или из других зарубежных источников, для того чтобы иметь возможность донести свою мудрость до стран, которые справляются с проблемой преступности намного более эффективно, чем США. Есть причины опасаться, что в рамках этой “гуманитарной помощи” будет экспортирована не только американская криминология, но и американский уровень преступности»¹⁵.

Интересно отметить контекст, на фоне которого происходят эти процессы.

Несмотря на общий тренд развития глобализации в 90-е — начале 2000-х годов, роль национальных государств не только не снизилась, но даже возросла. В первую очередь стало понятно, что принадлежность бизнеса такому государству дает ему неоспоримые конкурентные преимущества. Стало понятно также, что снижение роли государства может привести вовсе не к процветанию общества, а к нарастанию его энтропии.

Наиболее либеральное отношение к экономическим процессам, сочетаемое с «мягкой силой», привело к денационализации элит. Как образно отметил С. Хантингтон, «глобализация мышления

транснациональной экономической элиты ведет к отмиранию у ее представителей чувства принадлежности к национальному сообществу»¹⁶. Национальная элита стала группой, имеющей уже едва ли не собственные интересы, с интересами национальными часто не совпадающие¹⁷.

При этом миграционные процессы последних десятилетий с не вполне удачными попытками реакции на них (политика мультикультурализма), происходящими на фоне снижения демографических показателей и старения населения в развитых странах и, напротив, роста рождаемости в развивающихся государствах, спровоцировали возврат во многих государствах к традиционным ценностям и поведению. Мы видим рост национальной идентичности и патриотизма.

Еще одна важная тенденция — крах надежд многих обществ и государств бывшего «третьего мира» вырваться в благополучные условия. Технологические изменения сегодня приняли необратимый характер. При этом центры компетенций расположены в развитых государствах. В них же находятся финансовые центры и центры, через которые происходит управление иными мировыми процессами. Для многих бывших стран «третьего мира» это означает, что они никогда и ни при каких обстоятельствах не попадут, будучи в своих границах и традиционных условиях жизни, в новый мир «потребительского счастья», правопорядка и спокойствия от войны. У этих государств нет ни идей для прорыва, ни сил и ресурсов, их население деморализовано к позитивным действиям на фоне диссонанса между своими условиями выживания и достижениями в науке, культуре развитых государств, которые они наблюдают. Отсюда — попытки радикального изменения жизни и миграция.

У значительной части таких мигрантов типично маргинальное отношение к праву: привычный (по месту рождения) правопорядок они уже покинули, хотя и сохранили стереотипы поведения, а новый правопорядок они воспринимать либо не хотят, либо не могут (в силу иного культурного кода и указанных стереотипов, а также того, что он мешает привычным путем добывать хлеб насущный). Именно отсюда игнорирование ими законов в Европе, множественные случаи хулиганства, открытое пренебрежение так называемыми

interpreted this statute to allow foreign citizens to seek remedies in U.S. courts for human-rights violations for conduct committed outside the United States [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://codes.findlaw.com/us/title-28-judiciary-and-judicial-procedure/28-usc-sect-1350> (дата обращения: 19.03.2019).

¹⁴ Caney S. Justice Beyond Borders. A Global Political Theory. Oxford, 2006. P. 226–262.

¹⁵ Брейтуэйт Д. Преступление, стыд и воссоединение. М., 2002. С. 12.

¹⁶ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2018. С. 357.

¹⁷ Эту тенденцию «группизма» в современную эпоху хорошо подметил социолог И. Валлерстайн: «Мы живем в эпоху “группизма” — образования групп, имеющих защитный характер, каждая из них стремится к достижению самосознания, на базе которого упрочиваются солидарность и борьба за выживание одновременно с борьбой против других таких же групп» (см.: Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. С. 10).

европейскими ценностями (люди просто не понимают, зачем они им и в чем состоят) и проч.

В результате этого мы видим разрушение правовых регуляторов на международном уровне, которое сопровождается разрушением единого национального правового пространства в отдельных странах, «расслоением» такого пространства, когда у местных граждан — свое право, а у мигрантов — свое. В целом *в качестве итога мы видим разрушение представлений о ценности права как мерила справедливости, приоритет силы, возможностей (в первую очередь имущественных) над правом.*

Кризис идей, социальные и экономические проблемы в странах бывшего «третьего мира», возврат многих обществ к традиционным вариантам поведения, реагирования на какие-то события на фоне растущего космополитизма элит и безответственного поведения наиболее сильных государств создают «взрывоопасный» коктейль для мира в целом и для права, в частности.

Как нарастающую тенденцию следует рассматривать постепенное размывание такого базового, казалось бы, еще совсем недавно принципа, как правовое равенство. Одно время мы привыкли просто цитировать положения из Всеобщей декларации прав человека о том, что все люди равны. Это имело и прямое продолжение в праве и правовой практике. Однако взрывной рост технологических инноваций, роботизация, которая уже не является предметом футурологии, киборгизация, возможности современной медицины вновь остро ставят проблему равенства и неравенства. «Человек, — пишут философы, — столкнулся с ситуацией, когда возможности современной науки и технологии грозят частичной переделкой его природы, и переделка эта может принять необратимый характер»¹⁸. Причем эта переделка касается и возможностей исправления недостатков человека, которые считались ранее данными Богом, а потому неисправимыми при соответствующем уровне науки, «редактирования» человека (геном), продления его жизни. Но кому все это доступно — зададимся вопросом? Какому количеству людей? Понятно, что в первую очередь такие технологии доступны состоятельным людям, живущим в развитых странах. И о каком равенстве мы можем вести речь?

Вопрос о влиянии технологического развития на правовые системы всегда был предметом дискуссий. Должно ли право гибко реагировать на появление новых научно-технических решений и инноваций? Или же правовое регулирование должно сохранять некоторые консервативные формы, проверенные временем и соответствующие

уровню развития экономики? При ответе на этот вопрос важно помнить, что перед тем, как проводить новые реформы, в обществе должна сложиться убежденность, что предшествующие сработали, как надо. В истории научных открытий существует ряд примеров, демонстрирующих, как изменения в технологиях и общественном устройстве повлияли на изменения в правовом порядке.

Однако в настоящее время — время формирования нового типа информационного пространства и социальной коммуникации — эти вопросы приобрели особую остроту.

Интернет-ресурсы (сервисы, социальные сети) меняют экономику, общество в целом и отдельного его представителя (человека). По данным Internet World Stat, по состоянию на 31 декабря 2018 г., 55.6%, или 4 312 982 270, жителей в мире пользовались Интернетом при общей численности населения на Земле 7 753 483 209 человек¹⁹. Как отмечает создатель Интернета Т. Дж. Бернерс-Ли, за три десятилетия Сеть претерпела качественные изменения, прежде всего характеризующиеся тем, что вместо сетевого равноправия появились вертикальные структуры из серверов с миллионами клиентов-пользователей. Бурное развитие электронной торговли привело к тому, что Интернет заполнен сетевыми магазинами, сетевой рекламой и активно развивающимися платежными сервисами, онлайн-играми и сетевыми казино. При этом вмешательство государственных структур способствует слиянию интересов властных органов и торговых площадок, единству «диктатуры» и «торговли». Символом такого неожиданного симбиоза стал проект Dragonfly компании Google в виде поисковой машины для Китая, определяющей номера телефонов задавших вопрос пользователей.

Проблема современного информационного общества состоит не только в том, что человек не способен справиться с объемом и интенсивностью предоставляемой регулярно информации, а в том, что эта информация ему периодически насаждается, он получает эту информацию, даже если у него нет желания её получать.

Происходит индивидуальное информационное давление на каждого отдельно благодаря быстрому развитию сети Интернет, кабельного телевидения, мобильной связи, в том числе при помощи персонализированной рекламы, направляемой человеку через всплывающие «окна» сайтов, смс-сообщения, электронные письма (реклама научных журналов, продажа товаров массового спроса и др.). Цифровой мир индивидуализируется, существуют

¹⁸ Человек и его будущее. Новые технологии и возможности человека. М., 2012. С. 7.

¹⁹ См.: World Internet Usage and Population Statistics, March 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 05.03.2019).

нейросистемы и контекстная реклама, ориентированная на вкусы и желания конкретного потребителя. Личность утрачивает индивидуальность. Она становится фактически подконтрольной Глобальной сети интернет-коммуникаций. Всё это ставит серьезные философские и юридические вопросы о границах частной жизни и свободы человека.

Сетевые ресурсы способны оказывать губительное воздействие на сознание, психику, поведение граждан, нередко приводя их на скамью подсудимых. Резонансные события для современной действительности: сайты о детских клубах самоубийц²⁰, каналы вербовщиков ИГИЛ (организации, запрещенной в России)²¹, форумы «колумбайнеров»²², приведшие к недавнему кровопролитию в российских школах, — являются печальным и тревожным свидетельством сетевого нивелирования значимости гуманистических ценностей.

Информационное воздействие проявляется также и в том, что человек утратил связь с реальностью, природа и общество изучаются им бесконтактно. Информация добывается из социальных сетей и разнообразных средств коммуникаций и зачастую используется без должной аналитической работы и оценки.

Современное общество не видит необходимости в доказательствах подлинности информации, в проверке фактов. Ведь катализатором действий становится случайно полученная информация, а побеждает тот, кто владеет информационным пространством. Так, например, развитые государства заявляют о зависимости результатов национальных плебисцитов, других важных политических и социальных решений в их странах от атак хакеров. В таких условиях свободное волеизъявление человека, истинные демократические ценности мало что значат.

Социальные сети позволяют не чувствовать себя одиноким, даже если человек лишен реальной коммуникации. Не выходя из дома, он формирует для себя новые образы и модели поведения. Восприятие такого иллюзорного мира сквозь призму социальных сетей порождает немало личностных и социальных проблем. В то же время уровень информационного насилия в каждом государстве

разный, зависит от степени научно-технического прогресса. Например, в США онлайн-воздействие на информационную среду каждого человека происходит практически постоянно через сотни теле- и интернет-каналов, множество средств массовой информации. В менее развитых странах этот уровень ниже, но процессы информатизации и цифровизации в скором будущем поставят каждое государство перед необходимостью решать эту цивилизационную проблему.

Помимо утраты конфиденциальности частной жизни цифровая экономика атомизирует человека, эксплуатирует его примитивные инстинкты и потребности, превращая их в товар и средство для ничем не ограниченной рекламы товаров и услуг. Очевидно, что это лишь первые технические шаги к будущему глобальному манипулированию растущими объемами личных данных²³.

С правовой точки зрения информационное воздействие и в целом киберпространство оказались практически неурегулированными. Попытки решить вопрос в рамках ООН о международно-правовой регламентации информационных отношений не увенчались успехом, поскольку управление цифровой информацией, прежде всего в сети Интернет, становится преимуществом, которым государства-лидеры не хотят делиться.

Стратегия национальной кибербезопасности Соединенных Штатов Америки, подписанная Президентом США в сентябре 2018 г., открыто провозглашает, что появление Интернета и увеличение влияния киберпространства на все сферы жизни современного мира совпали со становлением Соединенных Штатов Америки в качестве единственной сверхдержавы во всем мире. США доминируют в мире и должны доминировать в киберпространстве — сейчас и в будущем. Будучи лидером, они должны продвигать свое влияние по миру. Основой влияния Соединенных Штатов в киберпространстве является технологическое преимущество. Соответственно, правительство Соединенных Штатов обеспечит проведение скоординированных действий по защите передовых технологий, в том числе от их кражи противниками, обеспечит поддержку доработки этих технологий и возможно-го уменьшения барьеров для американских компаний при выходе на рынок.

На достижение этих же целей направлен Указ Президента США от 11 февраля 2019 г. о сохранении

²⁰ См.: Прохазкова П. Эпидемия детских самоубийств. URL: https://inosmi.ru/social/20120222/186616453_8.html; Клубы самоубийц. URL: <http://palata6.net/page-id-118.html>

²¹ См.: Сотрудник К-9 о том, как вербуют в ИГИЛ (интервью). URL: <https://www.pravda.ru/society/family/pbringing/16-11-2016/1318201-abduragimov-0>

²² URL: https://mel.fm/shkola/1935407-kill_in_school; Гнединская А. Что творится в закрытых колумбайн-сообществах, воспевающих подростков-убийц. URL: <https://ria.ru/society/20180507/1519930073.html>

²³ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://newrezume.org/news/2018-12-08-30715?utm_source=copypast (дата обращения: 05.03.2019).

американского лидерства в области искусственного интеллекта²⁴.

Интернет стал средством, приносящим огромные выгоды как внутри страны, так и за рубежом. Более того, он позволяет распространять американские ценности: свободу, безопасность и процветание. Как написано в одной из стратегий США: «Мы будем всячески противодействовать попыткам авторитарных государств, рассматривающих открытый Интернет как политическую угрозу, превратить свободный и открытый Интернет в авторитарную сеть с тотальным контролем под видом обеспечения безопасности или борьбы с терроризмом»²⁵.

В современном обществе с точки зрения защиты прав и свобод каждый пользователь одновременно выступает и субъектом правоотношений, и объектом информационного воздействия. Поэтому в случае совершения компьютерных преступлений субъектом становится бенефициар от совершенных преступных действий, а не конкретный исполнитель чужой воли. Ответственность субъектов, оказывающих услуги в сети Интернет и с использованием оргтехники, в современных условиях распространяется уже не только на их качество, но и на соблюдение запросов клиентов. В ином случае нормативные предписания и требования могут оказаться избыточными без реальной возможности обнаружения виновных в совершении правонарушений.

Вызовы цифровизации и информатизации для современного общества являются более серьезными с точки зрения соблюдения прав человека, конфиденциальности частной жизни, обеспечения естественных прав. Общество, государство, религиозные конфессии, сам человек — всё изменилось. Современный научно-технический прогресс благодаря цифровой коммуникации отличается от раннебуржуазного своей интенсивностью и стремительностью. Новые технологии возникают практически ежедневно, скорость их распространения по миру многократно увеличивается, при этом нередко они «вырываются» в жизнь человека не только без его прямого согласия, но и до его осознания и понимания такого вмешательства. В такой ситуации правовое мышление и правовые принципы поставлены в крайне уязвимое положение, сталкиваясь

с рядом социальных угроз, неизвестных ни философам, ни юристам прошлого.

Сфера права подвергается испытаниям и в России. Для современного российского общества характерны внутренние противоречия, взаимодействие разных жизненных укладов, сочетание инновационности с консерватизмом и религиозностью как образом национального менталитета. Отличительной чертой нашей страны всегда являлись пестрота ее национального состава и сочетание различных укладов, в которых существует население страны от Ледовитого океана до южных границ, от западных границ к Тихому океану.

До революции эта пестрота проявлялась в разных подходах к регулированию отношений в разных сообществах. Мы обычно воспринимаем Российскую Империю как монолит, как нечто, что распространяло свое влияние через единую правовую систему, что на самом деле совершенно неверно: отдельные правила были в разные годы и для польских земель, и для остзейских, и для финских, и для некоторых иных территорий. Это важно подчеркнуть, потому что в России действовало несколько правовых систем одновременно; и в этом была своя логика: «сшить» всю такую разную страну одним правом было невозможно или было чревато серьезными конфликтами.

Это разнообразие правового регулирования мы частично преодолели во времена СССР за счет единой идеологии и экономической модели. Но оно в итоге имело для страны фатальные последствия, а как только СССР не стало, мы в полной мере ощутили, насколько сложно в новых условиях примирить различные подходы и представления о том, *как, что и на каких принципах* надо регулировать.

Бурные события конца 80 — начала 90-х годов, когда исчезла враз правовая система государства, вновь поставили перед страной, ее правовым сообществом базовые вопросы: о собственности, справедливости, равенстве, о том, что считать приветствуемым обществом поведением, а что за гранью, о целях и методах наказания и др.

Сложные экономические реформы, приведшие к большим социальным проблемам, маргинализации больших групп населения, росту общеуголовной преступности, только добавили накала в эти обсуждения (вспомним события октября 1993 г.).

Академик В. Н. Кудрявцев, выступивший в 2002 г. на Общем собрании Российской академии наук с насыщенным и аргументированным докладом на тему «Нравы общества переходного периода»²⁶, дал научную оценку состоянию российского

²⁴ См.: Executive Order on Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence, Issued on: February 11, 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-maintaining-american-leadership-artificial-intelligence/> (дата обращения: 05.03.2019).

²⁵ National cyber strategy of the USA, September 2018 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <file:///C:/Users/Master/Desktop/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 15.03.2019).

²⁶ Кудрявцев В.Н. Нравы общества переходного периода // Вестник РАН. 2002. Т. 72. № 3. С. 222.

общества после периода реформ 90-х годов XX в., а также наметил наиболее острые социальные и экономические проблемы российского общества в переходный период для адекватного преобразования российской правовой системы.

Каким образом он оценивал результаты реформ в стране? Прежде всего в обществе изменилось отношение к собственности после ее приватизации и развития рыночных отношений, в международных отношениях кончилась эпоха «железного занавеса» и «холодной войны». Но наряду с этим в России произошел глубокий экономический спад. Распад СССР ослабил авторитет страны в мире.

В. Н. Кудрявцевым были отмечены изменения в ценностных ориентациях россиян по итогам исследований члена-корр. Н. И. Лапина. Ученый пришел к выводу, что можно выделить так называемые терминальные, или базовые, ценности, которые за время исследования не изменились. Это человеческая жизнь, свобода, общение с другими людьми, семья, работа, благополучие человека²⁷.

Вторая группа — инструментальные ценности. Их можно назвать средствами по отношению к базовым, терминальным. Вот их содержание и соотношение стали меняться. Так, в 1990 г. на первый план при опросах населения выходили порядок в государстве и спокойная совесть, порицались эгоизм и индивидуализм. В 1994 г. картина стала иной: ведущими ценностями были названы стремление к личному успеху и предприимчивость. В тот период в силу особенностей жизни в условиях рыночной экономики получили распространение взгляды, которые, как известно, ранее порицались²⁸.

В 1998 г. исследователи зафиксировали новую тенденцию: многие начали задумываться над происходящим и настаивать на приоритете такой ценности, как равенство стартовых условий жизни.

Вполне понятно, что к этому времени была осознана важность этого фактора, особенно в предпринимательской деятельности, поскольку он существенно влияет на дальнейшую судьбу бизнеса. Одновременно в общественном мнении сформировался взгляд, в соответствии с которым «любая работа хороша, если она дает хороший заработок». Нетрудно заметить, что здесь проявляется отнюдь не интерес к работе, а только интерес к деньгам; работа оказывается лишь средством их получения.

Спустя два десятилетия восприятие российскими гражданами материальных условий жизни принципиально не изменилось.

²⁷ См.: Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 223.

²⁸ См.: там же. С. 224, 225.

В социологических опросах все также фиксируется интерес граждан к обеспечению права на охрану здоровья (49% респондентов), права на образование (45%) и права на труд (40%). Значимость права на доступ к образованию в общественном сознании неуклонно повышается, что с точки зрения опросов уже фиксирует прирост в два раза за последние 15 лет.

В то же время с точки зрения возрастных групп популярность личных прав человека (права на жизнь) характерна для молодежи от 18 до 24 лет (47% респондентов), права на образование — для молодежи от 25 до 34 лет (43%), а права на охрану здоровья — для граждан старше 45 лет (58%)²⁹.

Подобная ситуация является отражением социального расслоения в российском обществе, действием неформальных внеправовых правил поведения и стремлением людей сформулировать запрос на изменения сложившейся социально-экономической модели.

Результаты новейших опросов общественно-го мнения фиксируют последствия сложившегося в 90-е годы XX в. правового нигилизма, теперь уже проявляющегося в поведении современного молодого поколения российских граждан.

Так, регулярные опросы «Левада-центра» накануне Дня Конституции России фиксируют, что в 2017 г. 37% граждан страны никогда не читали Конституцию. Но и те, кто читал Основной Закон (27%), признаются, что его содержание не помнят. Другая категория опрошенных граждан (25%) отмечает, что плохо помнит содержание норм Конституции. Лишь каждый 10-й гражданин во время опроса утверждал, что знает и помнит содержание конституционных норм. Каждый 13-й респондент сумел назвать 1993 г. как год принятия Конституции РФ, 38% опрошенных изучали Конституцию в вузе, а 30% — в школе. 15% респондентов заявили, что знание Конституции им необходимо для выполнения работы.

В такой ситуации говорить о мерах по повышению уровня правосознания бессмысленно, поскольку мотивация поведения граждан определяется иными, неправовыми факторами. Так, сокращается число граждан, считающих, что российские власти соблюдают законы, — с 44% в 2016 г. до 32% в 2018 г. И хотя не согласны с ними 14% респондентов, 40% отмечают в опросе, что российские чиновники частично соблюдают требования законодательства³⁰.

²⁹ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2018/12/04/vciom-indeks-informirovannosti-osoderzhanii-konstitucii-vyros.html> (дата обращения: 15.03.2019).

³⁰ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/society/10/12/2017/5a2cf3a49a794728cdf93921?from=main> (дата обращения: 15.03.2019).

Такое положение уже способствует закреплению в общественном сознании психологического портрета среднестатистического коррупционера, как отмечают представители Генеральной прокуратуры РФ, обладающего такими чертами, как меркантильность, жадность, корысть, стремление к материальным ценностям, властолюбие и др.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что активные в своей деятельности, коммуникабельные, устойчивые к стрессовым ситуациям, с высшим образованием и навыками самоконтроля люди и превращаются в российском обществе в тех, кто проводит коррупционные схемы принятия решений в повседневную жизнь³¹.

Другая точка зрения, высказанная российским психотерапевтом Л.М. Щегловым, подчеркивает непрофессионализм как важнейшую черту социальных лифтов в карьере современного чиновника³².

Однако у обозначенной проблемы есть и иная сторона, которая также фиксируется социологическими исследованиями. Согласно данным Университета прокуратуры Российской Федерации не менее 60% населения в случае нарушения Правил дорожного движения, необоснованного получения дорожного листа, при сдаче экзаменов не считают противоправным «проявление благодарности» в денежном или натуральном выражении. Аналогичным образом правовое сознание подавляющего числа граждан не отождествляет с преступностью хакерские атаки и совершение преступлений с использованием IT-технологий.

Очевидно, что само по себе правовое общество как результат эволюции возникнуть не может — его нужно создавать. И в этом процессе без поддержки права, правовых норм, создания системы их гарантий решить задачу преодоления правового нигилизма невозможно, какие бы правильные и справедливые законы ни принимались. Как отмечал акад. В.С. Степин, «для того чтобы изменилось состояние правового сознания, нужно, чтобы изменились базисные ценности культуры, чтобы они были приведены в соответствие с провозглашаемым общественным идеалом правового общества — пониманием свободы, права, справедливости, пониманием природы человеческой деятельности, добра и зла, истины, красоты и т.п.»³³.

³¹ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/12/06/12085813.shtml> (дата обращения: 15.03.2019).

³² См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.znak.com/2019-03-18/seksolog_lev_cheglov_o_psihiatricheskom_portrete_elity_i_naroda_rossii (дата обращения: 15.03.2019).

³³ Степин В.С. Философская антропология и философия культуры. М., 2015. С. 306.

В этом же ключе, но в более категоричной форме выразил свое мнение акад. В.Н. Кудрявцев: «Нет оснований ни удивляться, ни, тем более, возмущаться существованием в стране преступности и преступников, коль скоро сам образ жизни людей, призванный использовать социальные институты цивилизованного общества, не соответствует провозглашенным идеалам»³⁴.

Современное общество не случайно многими учеными характеризуется как общество потребления, в котором духовная жизнь заменяется потреблением материальных благ. Это своего рода высшее достижение, апогей развития буржуазного общества. Такое общество изначально строилось на стремлении к наживе, буржуа и есть создатель и носитель новой западной духовности, выраженной главным образом в одном — в приобретении и потреблении материальных благ. Если европейское дворянство во многом жило идеями государственности и религии, то у буржуа на первом месте всегда стоял личный эгоистический интерес. Во второй половине XX в., когда материальные блага становятся доступными широким слоям населения, буржуазные ценности достигают своего апогея, ими проникаются массы. Данный феномен получил свое отражение в философии, социологии и искусстве.

Так, Х. Ортега-и-Гассет пришел к выводу о появлении на Западе массового общества, где буржуазная культура становится не просто господствующей, но массовой, диктующей стандарты поведения для индивидов. Диктат массовой культуры, проявляющей себя прежде всего в пафосе потребления, нивелирует и стандартизирует личность, заставляет ее быть послушным автоматом, лишает ее индивидуальности и духовности³⁵. Н.А. Бердяев дал острую критику технической культуры западного общества, ставшей органической частью массовой культуры потребления. Человек, рассуждает он, становясь придатком машинного производства, сам становится частью этой машины. Он воспринимает себя как винтик, жестко встроенный в механизм производства материальных благ, что радикально меняет психологию индивида. Техника, лишая человека его индивидуальных качеств, навязывает ему в том числе стандарты потребления. Будучи частью механизма производства, распределения и потребления материальных благ, индивид воспринимает себя через призму системы потребностей, сформированных обществом. В итоге духовные ценности уходят на задний план, уступая место ценностям материального

³⁴ Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2005. С. 7.

³⁵ См.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избр. труды. М., 1997.

потребления³⁶. Смысл потребления и его детальную структуру в современном западном обществе показал французский социолог и философ Ж. Бодрийяр. Его знаменитая книга «Общество потребления» (1970) стала обличительным памфлетом буржуазного общества, где материальные ценности, потребление становятся фетишем, «земным богом», которому поклоняется современный человек. В обществе потребления индивид смотрит на мир не непосредственно, а посредством знаков, сформированных системой потребностей массового общества. В этом случае личность оказывается во власти «симулякров», т.е. пустых, ложных ценностей, за которыми нет реальной наполненности. Духовная жизнь человека выхолащивается и заменяется исключительно животным существованием³⁷.

Согласно данным ООН и расчетам аналитической компании Wealth-X в настоящее время совокупное состояние 2473 миллиардеров мира превышает 7.7 трлн долл. Это эквивалентно совокупному ВВП 4/5 всех стран мира в 2015 г., в то время как сотни миллионов семей с трудом поддерживают уровень жизни в расчете на 1.25 долл. в день.

Зияющая пропасть между самыми богатыми и самыми бедными не только является несправедливой, но и подвергает риску экономику, общество и государства. Осознавая этот риск, правительства стран мира договорились в 2015 г. о том, что путь к устойчивому развитию в ближайшие 15 лет должен основываться на фундаменте равенства, справедливости и всеобщего осуществления прав³⁸.

Ценности общества потребления, возникнув на Западе, постепенно расширяют сферу своего влияния на все регионы мира, в том числе на Россию. Как справедливо заметил Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, характеризуя современное общество, одни пребывают в состоянии «равнодушного (апатичного) гедонизма»³⁹, а другим, как и много столетий назад, не хватает средств к существованию.

При этом массовое потребление сегодня достигло своего расцвета, стимулируя спрос на потребление во всех ценовых сегментах и возрастных категориях, когда становится невозможно приобрести вещь навсегда, как в прежние времена. Интенсивность современного производства, возникающая на

основе новейших технологий, фактически поставила в центр человеческой жизни идею потребления, заставляя находиться в постоянной потребительской гонке за новыми брендами и марками автомобилей, телефонов, одежды⁴⁰. Вещи, которые раньше передавались в семье из поколения в поколение, сегодня оказываются выброшенными задолго до своей объективной амортизации.

Человечество могло бы приложить значительные усилия на пути гуманистического и нравственного развития. Но этому мешают всепоглощающий индивидуализм, гедонизм, корысть, личная выгода, обман, насилие, жестокость, цинизм, несусветное и несправедливое богатство отдельных людей при глубочайшей нищете миллионов, а также стремление обеспечить исходные человеческие потребности виртуальными техническими устройствами, продуктами массовой культуры. Этому же мешает и то, какие смыслы воспроизводятся в массовом сознании, масс-медиа. В результате воспроизводства отрицательных ценностей, их, по сути, транзита от одного поколения к другому мы видим разобщенность общества, усиливающийся индивидуализм, стремление к достижению удовольствий, «сбрасывание» любой социальной ответственности или перенесение принятия важных жизненных решений на «потом». Не случайно для многих представителей современной молодежи характерно нежелание приобретать жилье или интегрироваться в трудовой коллектив по месту работы. И можно сколько угодно придумывать оправдание этим тенденциям, однако понятно, что разрушение принципов социальной солидарности ничем для общества в целом, кроме как энтропии, «бегства» в другие общества, не обернется. Н.А. Бердяев справедливо отмечал, что «индивидуализм, не знающий границ и ничему себя не подчиняющий, расшатывает индивидуальность. Мы видим в последних плодах новой истории странную и таинственную трагедию человеческой судьбы. С одной стороны, мы видим раскрытие идеи индивидуальности, которой не знала предшествующая эпоха, которая открывает что-то новое в человеческой культуре и вносит какие-то новые ценности; с другой стороны, мы видим такое расшатывание человеческой индивидуальности, какого раньше никогда не было. От

³⁶ См.: Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994; *Его же*. О назначении человека. М., 1993.

³⁷ См.: Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.

³⁸ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/population2017.pdf> (дата обращения: 15.03.2019).

³⁹ Зорькин В.Д. Право против хаоса. М., 2018. С. 76, 77.

⁴⁰ Достаточно сказать, что Apple, Amazon по капитализации достигли 1 трлн долл. ко второй половине 2018 г. Аналогичный рост капитализации наблюдается и в другой части Земного шара (например, Ali Baba в КНР), т.е. тенденция накопления капитала в сфере услуг заметно превышает возможности традиционных сырьевых отраслей и промышленности. Отсюда формирование новой философии у топ-менеджеров крупных корпораций, которые видят в качестве критерия собственного успеха личный эгоизм, а не заботу о благе Родины.

безграничности и безудержности индивидуализма индивидуальность погибает»⁴¹.

Крайности гедонизма вовсе отрицают цивилизационное будущее за пределами одного поколения: мы живем в свое удовольствие, а дети должны сами о себе заботиться. Отсутствие преемственности гуманистических идей лишает цивилизацию и человечество будущего, влечет опасность не только потери свободы, достоинства, уважения личности, но и самой личности как самодостаточного социального субъекта. Поэтому необходимо формировать коллективное общественное сознание, базирующееся на основных общечеловеческих ценностях. Коллективизм в данном случае — это не способ ограничения человеческой свободы, а условие выживания коллективного социума, без которого человек самостоятельно реализовать себя не сможет.

Современная эпоха характеризуется глобальными природными и социальными катаклизмами, связанными с чрезмерной эксплуатацией природных богатств ради искусственного стимулирования экономического роста и производительности труда. Сегодня масштабные проекты по освоению Арктического шельфа или прокладке дорожных магистралей уже не могут рассматриваться как проекты национального уровня, поскольку воздействуют на среду обитания всей человеческой цивилизации.

Право — это продукт общественной жизни. Без человеческого общества оно не существует, а потому проблемы во всех иных сферах, в которых это общество живет, отражаются на правовой сфере самым непосредственным образом. Сегодня право переживает кризис, как зеркало отражая кризисное состояние общества. К сожалению, реакция на этот кризис пока не вполне адекватная: вместо того чтобы предложить обществу программу изменений, основанную на согласии, на учете критических замечаний, абстрактный законодатель (во всех его проявлениях) только усиливает неопределенность, раздражение от правовых решений (ведь право любое — это вообще всегда ограничитель поведения). С какого-то времени мы наблюдаем непрекращающийся поток новых нормативных инициатив. На любую проблему, любой повод из Интернета мы тут же предлагаем принять закон или изменение в закон или иной нормативный акт. В ситуации, когда в обществе нет консенсуса по базовым решениям, когда законодательство так объемно, что его невозможно запомнить и понять, а уж тем более использовать обычному, среднему человеку, это влечет тотальное отчуждение людей от правовой сферы. Стремление достичь законопослушания через еще больший рост ограничений, репрессалий, обязанностей приводит

к отказу людей находиться в правовой сфере, связи с государством (типичный пример — история с регулированием так называемых самозанятых). При этом общество как будто бы забыло о том, что закон — это комплекс правил, регулирующих поведение обычных людей, и эти правила мало чем отличаются от других правил поведения, в регулирование которых власти вмешивались только в исключительных случаях или не вмешивались вообще. Индивидуальное сознание граждан не в состоянии даже уследить за тысячами принимаемых каждый год законов. Презумпция знания закона утратила всякий смысл. Общественное поведение граждан сводится к постоянному приспособлению к меняющимся условиям.

Результат этого — углубляющийся кризис права, девальвация его как регулятора. В итоге при принятии правовых решений в некоторых чувствительных для общества областях — контрольно-надзорная деятельность — мы используем зарубежную средневековую терминологию о правовой гильотине! Недостаточно задействуется академический экспертный потенциал в гуманитарной сфере. Складывается впечатление, что теперь главное — как можно быстрее принять закон, «провести» его через все перипетии законопроектного процесса. Качество в этом случае остается отнюдь не на первом месте. И в этом нет никакой присущей только российскому законодателю особенности.

Возрастающее значение роли законодательства практически во всех правовых системах мира объясняют, как правило, не правоведы, а политологи и представители исполнительной власти. В качестве аргументов приводятся непрерывные изменения в развитии новых технологий и стремление не отстать от прогресса. И действительно, если общество недостаточно быстро реагирует на меняющийся характер общественных отношений, то его кризис неизбежен. Но и в отчаянной гонке законодателя с новой реальностью и возможностями компьютерных сетей оно может потерять все то хорошее, что было у его граждан до начала перемен, и прийти к такому же финалу.

Именно поэтому усиление предварительной и, подчеркну, не всякой вообще, а именно академической (со стороны РАН) экспертизы предлагаемых правовых решений может способствовать качественному изменению в правовой сфере. Важное значение имеют и темпы изменений: право — это вещь, основанная на традиции. Это не инструкция для переписывания каждый день, поскольку в его основе — ценностные факторы, на которых строится гражданская и культурная идентичность. И эти ценности для общества важно сохранить.

* * *

Таким образом, в наше время философия права с необходимостью должна обращаться к глобальным процессам, поскольку все они связаны с резким

⁴¹ Бердяев Н. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. YMCA-PRESS, Paris V, 1969. С. 185. Цит. по: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.odinblago.ru/smisl_istorii (дата обращения: 15.03.2019).

усилением роли государства и права. В условиях глобального кризиса философия права может и должна оказывать воздействие на сознание общества и его правящего класса, указывая на возможные риски и способы их избежать. Сам ход исторических событий ставит философию права в центр духовной и научной жизни, делает ее важным средством преобразования общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
2. Бердяев Н. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. YMCA-PRESS, Paris V, 1969. С. 185. Цит. по: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.odinblago.ru/smisl_istorii (дата обращения: 15.03.2019).
3. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
5. Брейтуэйт Д. Преступление, стыд и воссоединение. М., 2002. С. 12.
6. Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. С. 10.
7. Гнединская А. Что творится в закрытых колумбайн-сообществах, воспевающих подростков-убийц. URL: <https://ria.ru/society/20180507/1519930073.html>
8. Зорькин В.Д. Право против хаоса. М., 2018. С. 76, 77.
9. Клубы самоубийц. URL: <http://palata6.net/page-id-118.html>
10. Коржунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 41.
11. Кудрявцев В.Н. Нравы общества переходного периода // Вестник РАН. 2002. Т. 72. № 3. С. 222–225.
12. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2005. С. 7.
13. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1909.
14. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Об общественном идеале. Берлин, 1922.
15. Новгородцев П.И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74–75.
16. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избр. труды. М., 1997.
17. Прохазкова П. Эпидемия детских самоубийств. URL: https://inosmi.ru/social/20120222/186616453_8.html
18. Путин В.В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://iz.ru/news/511884> (дата обращения: 15.01.2019).
19. Сорокин П. Основы будущего мира / ред.-изд. С. Нонин. Пг., 1917. С. 2.
20. Сотрудник К-9 о том, как вербуют в ИГИЛ (интервью). URL: <https://www.pravda.ru/society/family/pbringing/16-11-2016/1318201-abduragimov-0>
21. Степин В.С. Философская антропология и философия культуры. М., 2015. С. 306.
22. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2018. С. 357.
23. Человек и его будущее. Новые технологии и возможности человека. М., 2012. С. 7.
24. Шумилов В.М. Концепция глобального права и глобальной нормативной системы // Современный юрист. 2015. № 3. С. 70–87.
25. Caney S. Justice Beyond Borders. A Global Political Theory. Oxford, 2006. P. 226–262.
26. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364> (дата обращения: 15.03.2019).
27. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / herausgegeben W. Hassemer, U. Neumann, F. Saliger; mit Beiträgen von A. Büllesbach, G. Ellscheid, W. Hassemer u.a. 9., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Heidelberg, 2016. XXIX. S. 1, 8, 9.
28. Executive Order on Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence, Issued on: February 11, 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-maintaining-american-leadership-artificial-intelligence/> (дата обращения: 05.03.2019).
29. National cyber strategy of the USA, September 2018 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <file:///C:/Users/Master/Desktop/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 15.03.2019).
30. Remarks by President Trump to the 73rd Session of the United Nations General Assembly (25 September 2018) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-73rd-session-united-nations-general-assembly-new-york-ny/> (дата обращения: 05.03.2019).
31. “The district courts shall have original jurisdiction of any civil action by an alien for a tort only, committed in violation of the law of nations or a treaty of the United States”. Since 1980, courts have interpreted this statute to allow foreign citizens to seek remedies in U.S. courts for human-rights violations for conduct committed outside the United States [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://codes.findlaw.com/us/title-28-judiciary-and-judicial-procedure/28-usc-sect-1350> (дата обращения: 19.03.2019).
32. World Internet Usage and Population Statistics, March 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 05.03.2019).

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. On the appointment of a person. M., 1993 (in Russ.).
2. Berdyaev N. The meaning of history. The experience of the philosophy of human destiny. YMCA-PRESS, Paris V, 1969. P. 185. Cit. by: [Electronic resource]. — Access mode: URL: http://www.odinblago.ru/smisl_istorii (accessed: 15.03.2019) (in Russ.).

3. *Berdyaev N.A.* The fate of man in the modern world. To the understanding of our epoch // *Berdyaev N.A. Philosophy of the free spirit.* M., 1994 (in Russ.).
4. *Bodriyar Zh.* Consumer society. His myths and structures. M., 2006 (in Russ.).
5. *Braituait D.* Crime, Shame and Reunion. M., 2002. P. 12 (in Russ.).
6. *Vallerstein I.* After Liberalism. M., 2003. P. 10 (in Russ.).
7. *Gnedinskaya A.* What's going on in closed Columbine communities celebrating teenage murderers. URL: <https://ria.ru/society/20180507/1519930073.html> (in Russ.).
8. *Zorkin V.D.* Law against chaos. M., 2018. P. 76, 77 (in Russ.).
9. Suicide clubs. URL: <http://palata6.net/page-id-118.html> (in Russ.).
10. *Korkunov N.M.* Lectures on the General theory of law. SPb., 2003. P. 41 (in Russ.).
11. *Kudryavtsev V.N.* Mores of society in transition // *Herald of the Russian Academy of Sciences.* 2002. Vol. 72. No. 3. P. 222–225 (in Russ.).
12. *Kudryavtsev V.N.* Strategies for combating crime. M., 2005. P. 7 (in Russ.).
13. *Novgorodtsev P.I.* Introduction to the Philosophy of Law. The crisis of modern legal knowledge. M., 1909 (in Russ.).
14. *Novgorodtsev P.I.* Introduction to the Philosophy of Law. About the social ideal. Berlin, 1922 (in Russ.).
15. *Novgorodtsev P.I.* State and law // *Questions of philosophy and psychology.* 1904. Books 74–75 (in Russ.).
16. *Ortega-i-Gasset H.* The Uprising of the masses // *Ortega-i-Gasset H. Selected works.* M., 1997 (in Russ.).
17. *Prokhazkova P.* Epidemic of child suicides. URL: https://in-osmi.ru/social/20120222/186616453_8.html (in Russ.).
18. *Putin V.V.* Russia is concentrating – challenges that we must answer [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://iz.ru/news/511884> (accessed: 15.01.2019) (in Russ.).
19. *Sorokin P.* Fundamentals of the future world / editor-published S. Nonin. Pg., 1917. P. 2 (in Russ.).
20. K-9 employee on how to recruit to ISIS (interview). URL: <https://www.pravda.ru/society/family/pbringing/16-11-2016/1318201-abduragimov-0> (in Russ.).
21. *Stepin V.S.* Philosophical anthropology and philosophy of culture. M., 2015. P. 306 (in Russ.).
22. *Hantington S.* Who are we? Challenges of American national identity. M., 2018. P. 357 (in Russ.).
23. Man and his future. New technologies and human capabilities. M., 2012. P. 7 (in Russ.).
24. *Shumilov V.M.* The concept of global law and global regulatory system // *Modern Lawyer.* 2015. No. 3. P. 70–87 (in Russ.).
25. *Caney S.* Justice Beyond Borders. A Global Political Theory. Oxford, 2006. P. 226–262.
26. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364> (accessed: 15.03.2019).
27. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / herausgegeben W. Hassemer, U. Neumann, F. Saliger; mit Beiträgen von A. Büllsbach, G. Ellscheid, W. Hassemer u.a. 9., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Heidelberg, 2016. XXIX. S. 1, 8, 9.
28. Executive Order on Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence, Issued on: February 11, 2019 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-maintaining-american-leadership-artificial-intelligence/> (accessed: 05.03.2019).
29. National cyber strategy of the USA, September 2018 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <file:///C:/Users/Master/Desktop/National-Cyber-Strategy.pdf> (accessed: 15.03.2019).
30. Remarks by President Trump to the 73rd Session of the United Nations General Assembly (25 September 2018) [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-73rd-session-2018-09-25/> (accessed: 05.03.2019).
31. “The district courts shall have original jurisdiction of any civil action by an alien for a tort only, committed in violation of the law of nations or a treaty of the United States”. Since 1980, courts have interpreted this statute to allow foreign citizens to seek remedies in U.S. courts for human-rights violations for conduct committed outside the United States [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://codes.findlaw.com/us/title-28-judiciary-and-judicial-procedure/28-usc-sect-1350> (accessed: 19.03.2019).
32. World Internet Usage and Population Statistics, March 2019 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (accessed: 05.03.2019).

Сведения об авторе

САВЕНКОВ Александр Николаевич – член-корреспондент РАН, директор Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. – Corresponding Member of RAS, Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia